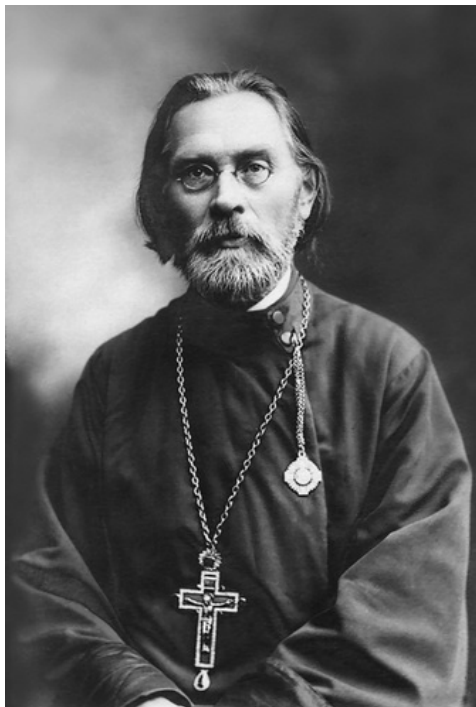

Священномученик Николай Розов, Петроградский, пресвитер

Дни памяти

[4 марта](#) (переходящая)

[9 февраля](#) (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

Житие

Священномученик Николай родился 27 ноября 1877 года в селе Жданово Курмышского уезда Симбирской губернии^[1] в семье священника Василия Розова. Все три сына отца Василия стали священнослужителями, двое из них были диаконами — известный патриарший архидиакон Константин Розов и диакон Михаил Розов, принявший сан в тридцатых годах и служивший в одном из храмов в городе Ораниенбауме.

Первоначальное образование Николай получил в Алатырском духовном училище. В 1898 году он окончил Симбирскую Духовную семинарию и женился на дочери священника девице Ольге, выпускнице епархиального училища в Симбирске. Впоследствии она стала ему верной помощницей, разделив с ним тяготы гонений и ссылок. В 1898 году Николай был рукоположен во диакона ко храму в селе Анненково Симбирского уезда и назначен заведующим двух церковноприходских

школ и преподавателем Закона Божия в земской школе. В 1900 году он был назначен миссионером 4-го округа Симбирского уезда^[2]. 14 декабря 1904 года диакон Николай был рукоположен во священника ко храму Рождества Христова в селе Барышская Слобода Алатырского уезда; здесь он был законоучителем и заведующим двух церковноприходских школ — в селах Барышская Слобода и Ольховка^[3].

В 1906 году отец Николай переехал в Санкт-Петербург и поступил в Духовную академию. Окончив академию в 1910 году со званием кандидата богословия, он стал преподавать Закон Божий в Еленинском институте.

Всю свою жизнь отец Николай был принципиальным противником пьянства, близким он говорил, что это оттого, что он глубоко переживает пристрастие к алкоголю отца и старшего брата. Ни дома, когда приходили к священнику гости, ни в гостях при отце Николае никогда за трапезой не подавали вина. Живя в Санкт-Петербурге, он был деятельным участником Александро-Невского общества трезвости.

В 1908 году Общество выпустило направленную против пьянства брошюру, написанную отцом Николаем, в которой он, в частности, писал: «Кроме казенных винных лавок теперь в каждом селении торгует несколько частных шинков, и могучие волны водки прокатываются по обширной равнине России, нигде не встречая преград своему разрушительному действию. Катятся волны, захлестывают города, села и деревни; гибнет, захлебываясь в море водки, русский народ. Ужели мы будем еще и еще добровольно нести гнет этого злого гения нашей

Родины? Ужели мы будем продолжать пить, похмеляться и безобразить, а в промежутках между похмельем и пьянством, когда тело устанет от обильных угощений на пьяном пиру горе-богатыря, мы будем спать тяжелым, кошмарным, пьяным сном?...»^[4]

В 1918 году отец Николай стал служить в храме в селе Григорове неподалеку от Алатыря, где служил до 1922 года, а затем переехал в село Коноклейки в Мордовию. В те годы в глухих деревнях еще сохранялось благочестие, а нечестие, если и проявлялось среди простого народа, то было еще беззлобным. Однажды отец Николай шел с сыном по селу. Стоящая на улице группа молодежи, увидев священника, стала громко скандировать: «У попа-то рукава-то — батюшки!» На что отец Николай тут же ответил: «У ворот-то дураков-то — матушки!» Услышав ответ священника, молодежь одобрительно загудела. В это время еще устраивались крестные ходы во всех тех случаях, когда требовалась помощь Божия, — во время засухи, при падеже скота, когда выгоняли первый раз после зимы скот на пастбище. И вера народа не посрамляла просящих.

С 1925 по 1931 год отец Николай служил в небольшом деревянном храме в селе Купчино недалеко от Петрограда. В это время он был возведен в сан протоиерея.

В 1932 году староста греческой, что на Лиговском проспекте, церкви Колхитис пригласил отца Николая стать в ней настоятелем, и тот дал согласие. Прихожан-греков в то время оставалось всего несколько семей, но церковь считалась посольской: иногда сюда приезжал посол Греции и по национальным праздникам вывешивался греческий флаг. Большое внимание в храме уделялось пению. Здесь был профессиональный хор под управлением А.П. Рождественского, в нем пели многие оперные певцы, но характер пения был скорее светский, нежели церковный. Один из алтарей был в честь святителя Николая чудотворца, это место в храме протоиерей Николай называл «русским уголком», но вскоре этот алтарь староста упразднил без согласия на то настоятеля. Отец Николай хотел богослужение в храме сделать более уставным, но и здесь потерпел неудачу и в 1932 году вынужден был перейти в Никольский храм на Охтенском кладбище. В 1935 году протоиерей Николай был награжден митрой.

В 1935 году власти произвели широкие аресты среди духовенства города, коснувшиеся и Никольского храма. 19 марта 1935 года был арестован и отец Николай Розов. На допросе на следующий день следователь спросил его:

— Что вас заставило устраиваться на службу в греческую церковь?

— Я пошел туда по письменному приглашению старосты церкви Колхитиса, который знал меня заочно через диакона этой церкви.

— Кого вы знаете из греческого консульства?
— Не знаю никого.
— Какова причина ухода из греческой церкви?
— Уволили за то, что не ужился с администрацией. Хотел наладить порядки подобно таким, какие в нашей церкви.
— Кого вы знаете из прихожан греческой церкви?
— Никого не знаю.
— За что были высланы ваши сослуживцы?
— Не знаю. Они об этом мне не говорили. Я же их жалею — как людей, не заслуживших высылки.

На этом допросы были закончены, а также закончено и следствие; в обвинительном заключении следователь написал: «Розов является исключительно антисоветским типом, открыто проявляет свое враждебное отношение к советской власти, группирует монашеский элемент и ведет антисоветскую агитацию. На допросе же это отрицает, хотя и показывает, что за антисоветскую деятельность был выслан целый ряд его сослуживцев. Считает высылку своих сослуживцев незаслуженной и очень о них сожалеет»^[5].

28 марта 1935 года Особое Совещание НКВД постановило выслать отца Николая как социально опасный элемент на пять лет в Уфу, а вместе с ним и его жену.

После высылки священников настоятелем Никольского храма на Охтинском кладбище был назначен священник Феодор Боголюбов, он регулярно стал отделять часть церковных доходов высланным членам причта храма и их семьям. В Уфе отец Николай освоил ремесло переплетчика и переплетал в различных учреждениях архивные документы, а посылаемые ему из храма деньги целиком отдавал своим детям.

В связи с принятым в 1937 году советским правительством решением об уничтожении духовенства, по всей стране были арестованы священники, находящиеся на свободе, в ссылках и в заключении. 9 декабря была выписана справка на арест протоиерея Николая; в ней говорилось, что будто бы он «проводит контрреволюционную фашистскую пропаганду. Распространяет провокационные слухи о войне и поражении Советского Союза. За активную контрреволюционную агитацию Розов подлежит аресту с содержанием под стражей на время следствия в уфимской тюрьме по первой категории»^[6]. 12 декабря 1937 года священник был арестован и заключен в тюрьму. В тот же день он был допрошен.

— Дайте показания о ваших связях в Уфе и других городах, — потребовал следователь.

— В Уфе я знаю всего лишь несколько человек. Дмитрия Владимировича Разумова, он священник из Ленинграда, был выслан вместе со мной. Мы бывали друг у друга, делились новостями и вели беседы на разные политические темы и больше всего интересовались вопросом об освобождении из ссылки. Эти наши встречи и беседы мы называли «производственным совещанием». Знал Федора Ивановича Красильникова, у которого учился переплетному делу. С ним также были беседы политического характера об освобождении из ссылки. Священника Павла Цветаева, ссыльного из Ленинграда, который был у меня один раз в 1937 году. С ним также говорили об освобождении из ссылки. Ивана Петровича Овечкина, диакона, высланного из Ленинграда, он также иногда бывал у меня в 1937 году. С ним велись беседы на политические темы об освобождении. Кроме указанных лиц, в Уфе, а также и в других городах никого не знаю, — ответил священник.

— Расскажите сущность ваших бесед с Разумовым, Красильниковым, Цветаевым и Овечкиным.

— Сущность этих бесед сводилась к тому, что мы говорили об освобождении нас из ссылки и в связи с этим касались вопросов международного положения и других политических вопросов.

— Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы себя виновным в этом?

— Виновным себя не признаю, контрреволюционной деятельностью я не занимался.

— Вы лжете, следствие располагает данными, что вы систематически среди населения вели контрреволюционную агитацию и распространяли провокационные слухи. Предлагаем вам давать откровенные показания о своей контрреволюционной деятельности.

— После того как я был выслан из Ленинграда, я говорил: «Меня выслали без причины, не было никакого основания для того, чтобы выслать меня. Кроме того, еще и обманули, говоря, что в Уфе вы будете жить совершенно вольно, а здесь обязали явкой через каждые десять дней в НКВД». Высылку меня из Ленинграда я считал и считаю неправильной, и по этому вопросу я высказывал свое недовольство.

Свидетель: Павел Николаевич Радченко, конец 1920-х гг.

— Расскажите о содержании вашей беседы с епископом Григорием Козловым.

— Сущность беседы сводилась к тому, что я интересовался новостями об освобождении ссыльных, на что он мне ничего конкретного не сказал.

Допросы продолжались в течение месяца.

— Следствие располагает данными, что вы систематически среди населения распространяли провокационные слухи о том, что советская власть подвергает репрессиям совершенно невинных людей и делает из них врагов. Подтверждаете ли вы это?

— Провокационных слухов среди населения я никогда не распространял.

— Известно, что вы систематически вели среди населения контрреволюционную фашистскую агитацию и восхваляли Гитлера. Признаете ли вы себя виновным в этом?

— Виновным себя не признаю, агитацию я не вел и Гитлера не восхвалял.

— Следствию также известно, что вы систематически распространяли среди населения контрреволюционные слухи о том, что якобы советская власть репрессировывает невинных служителей религиозного культа и тем самым старается разрушить Церковь. Признаете ли себя виновным в этом?

— Нет, виновным себя не признаю. Клеветнических слухов среди населения я не распространял.

— Следствию известно, что вы вели агитацию среди населения города Уфы за усиление сергиевского церковного течения как самого контрреволюционного течения. Признаете ли вы себя виновным в этом?

— Агитацию за усиление сергиевского церковного течения среди населения не вел, но, возможно, иногда высказывался за усиление сергиевского течения, так как считал и считаю его самым правильным течением по сравнению с другими церковными течениями (автокефальным и обновленческим).

— Известно, что вы являетесь активным участником контрреволюционно-повстанческой организации в Башкирии. Дайте показания по этому вопросу.

— Участником контрреволюционно-повстанческой организации я не являюсь, и дать показания по этому вопросу я не могу.

— Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы являетесь активным участником контрреволюционно-повстанческой организации в Башкирии, которая возглавлялась епископом Козловым, и, бывая у него на квартире, вы получали от него указания контрреволюционного характера. Требуем от вас правдивых показаний по этому вопросу.

— Повторяю. Участником контрреволюционно-повстанческой организации в Башкирии я не являюсь, и никаких указаний контрреволюционного характера от епископа Козлова я не получал, но на квартире у него был один раз, и говорили мы об освобождении ссыльных из ссылки.

13 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Розов был расстрелян 5 марта 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль».
Тверь. 2005. С. 327–333

Примечания

^[1] Ныне Пильнинский район Нижегородской области.

^[2] ГАУО. Ф. 81, оп. 1. Д. 190, л. 1-30, 140.

^[3] Там же. Ф. 134, оп. 2, д. 143, л. 215.

^[4] Священник Николай Розов. Непобежденный богатырь. СПб., 1908.

^[5] УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-73383, л. 10.

^[6] УФСБ России по Республике Башкортостан. Д. В-4353, л. 2.

Источник: <http://www.fond.ru/>